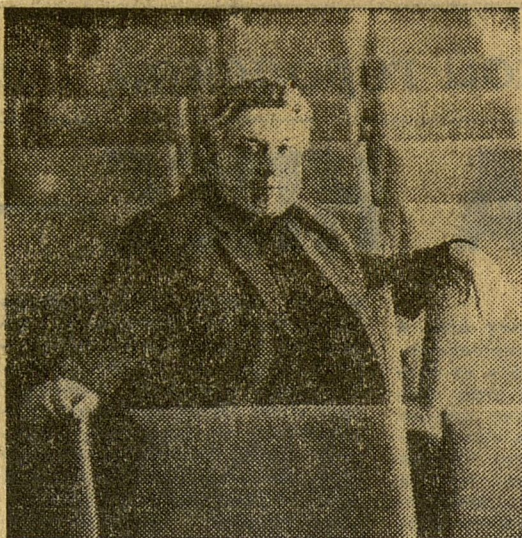

27 МАР 1981

Иркутско-Сибирская пресса
г. Иркутск

ПРОСТО АРТИСТ

Как-то после спектакля «Синие кони на красной траве» три женщины, очень пожилые и, видимо, не так уж часто посещающие театр, подошли к билетерше и робко спросили: «А что Шаланов, тот, который Ленина играет, заслуженный или народный?»...

— Нет, — ответила билетерша, — просто артист.

Артист — как это непросто... Нынче исполнится 40 лет с того дня, когда волнующее и романтическое слово артист определило всю дальнейшую жизнь одного из ведущих мастеров иркутской сцены Александра Александровича Шаланова...

Лето 1941 года. 17-летний Саша Шаланов только что окончил десятилетку. В школе он был душой драмкружка. В 9 и 10 классах он уже свел прочную дружбу с Ижевским русским драматическим театром и часто участвовал в массовых сценах. Ижевским театром руководил тогда Александр Скибневский, известный впоследствии режиссер и педагог, профессор Харьковского театрального института. Он сразу же обратил внимание на юношу с горящими глазами, относящемуся к каждому бессловесному выходу на сцену, как к священнодействию. А юный Саша мечтал тем временем о театральной учебе в Москве. Но на рассвете воскресного июньского дня грянула война. И мечта о театре сменилась мечтой о фронте. Но ему было только 17 лет, в армию таких еще не брали. В театре же сразу поредел творческий состав — почти все актеры ушли на фронт. Вот тогда-то Скибневский вспомнил о Саше Шаланове и пригласил его в труппу своего театра...

Вот он сидит передо мной, очень молодой, но рано поседевший коренастый человек, с мягкими чертами лица, сматривает на меня чуть прищуренными глазами, почти не реагирует на мои несколько комплиментарные вопросы. И неожиданно заявляет: все дело в этике! Да, развивает он свою мысль, и оделый актер, и театр в целом начинается, развивается, достигает подлинных творческих высот только лишь тогда, когда он исповедует самые высокие этические принципы в искусстве. Шаланов разволновался и стал подробно рассказывать о той атмосфере высокой художественной требовательности и замкнутости, которую сумел создать Александр Скибневский в коллективе Ижевского театра. Многому он научил Шаланова за шесть лет непрерывного творческого общения. Враг дилетанства, приблизительности в искусстве, он учил артиста мыслить на сцене, постигать тайны раскрытия «жизни человеческого духа», будил фантазию артиста, давал волю творческому воображению, учил конкретно — от роли к роли. Не выносил актерского «красноречия» на репетициях. Все, что хотелось сказать, надо было тут же показать, попробовать, воплотить...

Мне много лет пришлось руководить Бе-

лорусским академическим театром имени Якуба Коласа, который до меня почти десять лет возглавлял Скибневский. В труппе было много его учеников и последователей. И, слушая Шаланова, я понимал: нет у него театрального диплома, но школа есть, прекрасная школа русского реалистического психологического театра, школа, преподанная ему умным режиссером и чутким педагогом.

Творческий портрет

Листая старые газеты, рассматриваю фотографии. Что общего между грубоватым, мужественным и прямодушным русским боярином Иваном Шуйским из «Царя Федора Иоанновича» и крупным хирургом Федором Бороздиным из пьесы В. Розова «Вечно живые», человеком крутого нрава, огромной силы воли, выдержки, которому все же не удается скрыть ни свое доброе сердце, ни юношескую пылкость чувств? Что общего у богатой поэтической натуры мечтателя, философа и фантазера Томаса Мора из пьесы современного английского драматурга Роберта Болта «Человек на все времена» с суровым кадровым офицером генералом Бондарем из пьесы «Перебежчик», человеком смертельно усталым, поседевшим в боях, но сохранившим русскую удаль и обладающим счастливым даром проникать в самые глубокие тайники человеческой души? Что может роднить трогательный образ коммуниста Ваню из пьесы Нодара Думбадзе «Не беспокойся, мама» с щедрой душевной распахнутостью трагика Несчастливцева из пьесы А. Н. Островского «Лес»? А ведь для каждой из этих ролей артист находит свой точный пластический рисунок, свой неповторимый внутренний мир. За долгую творческую жизнь создана целая галерея глубоких психологических портретов. И все же многих героев Шаланова объединяет одно — духовный и нравственный максимализм, высокое чувство долга, романтическая приподнятость над обыденностью, глубокое чувство ответственности перед своим временем, перед своим народом.

К тому времени, когда семь лет назад Александр Шаланов вступил в труппу иркутского театра, он уже был, конечно, зрелым мастером сцены, признанным исполнителем многих центральных ролей в советской драматургии, русской и мировой классике. Иркутские зрители впервые увидели Шаланова в центральной роли крупного советского хозяйственника, опытного и смелого руководителя коллектива, человека с глубоким чувством ответственности не только за производство, но и за людей, за их внутренний мир, за их веру в коммунистические идеалы. Это была роль Фариды Сагаева в пьесе Рустама Ибрагимбекова «Своей дорогой». При всей сдержанности, вспыльчивости, противоречивости яркой и страстной натуры первоходца, искателя, он оставался в исполнении Шаланова глубоко человечным и достоверным даже в тех ситуациях пьесы, которые страдали некоторой искусственностью и мелодраматизмом.

Естественно, что режиссуру театра заинтересовал и увлек новый артист. Вот почему один за другим появляются в репертуаре театра спектакли с А. А. Шалановым в центральной роли. Глубокий цинизм, омерзительную бездуховность, подлинно клинический распад личности раскрыл Шаланов в обра-

дей стало ежегодное празднование Международного дня театра. В нашей стране этот день по традиции приурочен к главным событиям года. Ныне он посвящен XXVI съезду КПСС.

зе Ивана Коломийцева из «Последних» Горького. Виртуозно и гротесково была им вылеплена фигура галантного «идеолога» потребительской «философии» Аристарха из «Энергичных людей» Шукшина. Гневно и страстно прозвучал со сцены иркутского театра публицистический спектакль «Интервью в Буэнос-Айресе» Г. Боровика. И главная заслуга тут принадлежала А. Шаланову, исполнителю роли буржуазного чилийского журналиста Карлоса Бланко, ставшего трагической жертвой собственной аполитичности. Артисту удалось сомкнуть в этой роли открытую публицистичность с глубоким психологизмом.

Творческих удач было немало. И все-таки все это можно назвать движением по горизонтали, хотя и движением на высоком уровне сценического опыта и актерского мастерства. Но вот в конце прошлого театрального сезона состоялась премьера спектакля «Синие кони на красной траве» — принципиально новое драматургическое продолжение советской театральной Ленинианы, предложенное талантливым драматургом Михаилом Шатровым. В роли Владимира Ильича Ленина выступил артист Шаланов.

Первая встреча артиста с образом Ленина состоялась давно, 15 лет тому назад. Это был спектакль «Между ливнями» по пьесе А. Штейна. В то время еще считалось невозможным актерское воплощение образа Ленина без скрупулезного портретного грима, костюма, без таких знакомых жестов, поз, интонаций, без всего того, что больше сорока лет тому назад было гениально открыто и воплощено великими первопроходцами советской театральной Ленинианы Борисом Щукиным и Максимом Штраухом.

Требования, предъявляемые исполнителю роли Ленина в пьесе «Синие кони на красной траве», были для актера неожиданными и даже ошеломляющими. На сцене возникает сложнейшая мозаика сцен, событий, встреч, раздумий, выступлений, споров, дискуссий. И все это спрессовано в один рабочий день Ленина, выхваченный автором из яростного революционного потока начала 20-х годов.

В острой борьбе с буржуазной моралью и левацкими извращениями марксизма Ленин закладывает основы коммунистической морали и нравственности. В этом спектакле актер не может спрятаться за грим, костюм, за набор общезвестных характеристик. Он выступает с открытым забралом, во всеоружии собственного интеллекта, собственного человеческого обаяния, интеллигентности, вкуса, личной страстной убежденности в правоте ленинских идей. Вот почему после премьеры «Синие кони на красной траве» все, что до сих пор играл А. Шаланов, показалось движением по горизонтали. Раскрывая величие и глубину ленинской мысли, актер проявил способность к такой глубокой духовной концентрации, что совсем по-иному стал восприниматься масштаб его собственной личности.

Много добрых слов заслуживает спектакль «Синие кони на красной траве» на иркутской сцене. Это и тонкая поэтичная режиссура Г. В. Жезмера, и яркое экспрессивное и выразительное пластическое решение спектакля художником Ю. Суракевичем. Но подлинной душой спектакля, его стержнем, его главным открытием является роль Ленина в исполнении артиста А. А. Шаланова.

Артиста... И какие бы титулы и звания ни предшествовали этому слову, это звание всегда будет самым главным в его творческой биографии.

С. КАЗИМИРОВСКИЙ.